

Ольга Михайлова

Молния Господня

Аннотация

Люди потеряли Бога, — и вот вакханалия демонизма, точно чума, захлестывает Империю. Дьявольские шабаши пресыщенных блудников, сатанинские мессы полупомешанных от дурманных трав ведьм, преступные деяния изощренных умов, — отныне подлинно «всё дозволено».

Преследование еретиков и безбожников становится поприщем нового трентинского инквизитора Джеронимо Имперiali, незыблемая вера, талант следователя и незаурядный ум которого отмечены еще в монастыре. А вот женщины видят в доминиканце лишь его искусительную красоту... Между тем Имперiali, которому вовсе не свойственно соблазняться женским полом, перво-наперво необходимо выяснить причины смерти своего предшественника Фогаццаро Гоццано, найденного мертвым в местном блудном доме. И это преступление окажется лишь первым звеном в цепи безбожных деяний слуг дьявола. Имперiali предстоит пройти по девяти кругам ада распадающегося человеческого духа...

Ольга Михайлова

МОЛНИЯ ГОСПОДНЯ

(Fulmen Dei)

Глава 1

Из которой вдумчивый читатель, а именно для такого и написан этот труд, узнает о скорбях Церкви в нелегкую годину появления Лютеровой ереси, и в которой герой романа выглядит таким, каким его создал Господь.

Вечерний луч солнца в последний раз мелькнул за монастырской оградой и погас. В глубине потемневшего коридора послышались торопливые шаги, и кардинал Амброджо да Сеттильяно, милостью папы Климента VII *legatus a latere*, визитатор, наделенный правом снимать с кафедр епископов, медленно поднялся навстречу поспешно вбежавшему в зал капитулов епископу Лоренцо Дориа, провинциальному приору доминиканского ордена. Сеттильяно мог бы встретить главу приората и сидя — но, умудрённый годами, его высокопреосвященство не унижал достоинство нижестоящих.

Не унижал без нужды, разумеется.

Кардинал не только поднялся, но и даже слегка улыбнулся Провинциалу. Почему нет? Но

улыбка тут же и пропала. Амброджо видел, с какой потаённой тревогой и смятением смотрит на него Дориа, и в другое время беспокойство доминиканца усладило бы его — но не сегодня. Он сел и мрачно начал:

— Рим весьма озабочен происходящим в Саксонии. — Голос кардинала был хриплым от долгого молчания. — В такое время нельзя ронять авторитет Церкви, а между тем все монастыри города давно стали блудными домами — вот что болтают на площадях и улицах! — Лоренцо Дориа заметил яростный блеск в глазах его высокопреосвященства и чуть съежился. — Чего стоит и недавний скандал у бенедиктинок, где в пруду обнаружили десяток придушенных младенцев! Проклятые шлюхи даже не догадались упрятать свидетельства своего блуда понадежнее! — продолжал, распаляясь, Сеттильяно. Голос его теперь звенел гневом. — А провалившийся нос у настоятеля монастыря кармелитов в Перудже? Если золото ржавеет, что с железа возьмешь? — Легат был уже вне себя. — Порадовали и францисканцы! У семи монахов из десяти — метрессы и орущие дети! — Епископ Лоренцо втянул голову в плечи: он знал, что дойдет и до него. И не ошибся. Кардинал зарычал: — И не думайте, что ваши не заляпались! Инквизитор Гоццано найден мертвым и где? У шлюх, в блудилище!

Лицо доминиканца окаменело.

— Что удивляться, что этот негодяй из саксонского Вюртенберга, проклятый Лютер, мутит воду своими дурацкими тезисами и тычет нам в нос нашими грехами?!

Епископ слушал подчеркнуто внимательно и смиренно молчал. Молчал, ибо понимал, с кем говорит, а вовсе не потому, что сказать было нечего — напротив. С тех пор, как Дориа стал сведущ в делах человеческих, он что-то не встречал примеров святости в Риме, — а рыба-то гниет, как известно, не с хвоста! Алессандро Борджа со своим выbledком Чезаре готов был всю страну сделать владением своей мерзкой семейки, не брезговал ни кинжалом, ни ядом, торговал должностями и сборами крестоносной десятины. Негодяй Фарнезе за кардинальскую шапку продал ему родную сестру, а сам живёт и поныне в кровосмесительной связи с другой своей же сестрицей, а, будучи папским легатом в Анконе, бежал оттуда из-за обвинений в изнасиловании знатной патрицианки. Не надо забывать и про Пия III, имевшего не меньше дюжины детей от разных метресс! А Юлий II? Как сплетничал его церемониймейстер Грасиас, тот даже в пятницу, на Страстной, не допускал никого до обычного поцелуя туфли: не мог скрыть изъеденную сифилисом ногу! Так ещё и меценатом прослыл, отродье дьявольское! Золото ржавеет! Но

где оно, золото? Герцог Джованни ди Медичи, Лев Х, тот вообще нагло заявил: «Я верю в басню о Христе, поскольку она даёт мне возможность хорошо жить». Мерзавец и циник. Ещё и стишки писал, нехристь. Тьфу! И, заметьте, тоже покровитель искусств и, опять же, сифилитик! Может, это как-то связано, а?

Дориа, несмотря на то, что имел в родне даже скульптора, искусства не любил и не болел сифилисом, — и, возможно, поэтому был склонен к яростному ригоризму. Обсуждать же нынешнего Святого Отца после разрушения Рима Провинциал просто не мог: его трясло. Но все эти обуревавшие епископа горькие и злые мысли, разумеется, не предназначались для ушей легата, человека хоть и гневливого, но порядочного и преданного Церкви: за это ручался агент самого Дориа в Риме, это же подтвердил и Паоло Бутиджелла, великий магистр доминиканского ордена. Кардинал нагрюнул неожиданно, но о его возможном прибытии Дориа был предупрежден своим человеком в курии еще накануне и сейчас надеялся вылезти сухим из воды. Сугубых происшествий в приорате не было, разве что по мелочам... К тому же епископ понимал Сеттильяно: хоть рыба гниет с головы, чистят-то её всегда с хвоста.

Между тем кардинал мрачно продолжал:

— Отлучение Лютера ничего не дало. Глупо

было и рассчитывать на это, — пробормотал он чуть тише. — В эти нелёгкие дни Церкви предстоят новые испытания. От доминиканцев курия ожидает новых людей, чья святость будет бесспорна и чья честь не уронит достоинство Священного Трибунала. Я понимаю, что прошу невозможного, но...

Стоило Сеттильяно перевести дыхание, епископ кивнул и, подойдя к боковой двери, тихо распорядился:

— Позовите Иеронима. — Епископ повернулся к легату и развёл руками. — Если этот не подойдёт, то, право, не знаю, кто и нужен Его Святейшеству...

Сеттильяно усмехнулся — презрительно и недоверчиво. «Не подойдет...» Неужто ему покажут святого? Это в эти-то бесовские времена? Ведь подлинно последние дни настали, и снял Ангел шестую печать, и вот, солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь... Тяжелые апокалипсические мысли кардинала прервал скрип приоткрывшейся двери, и у храмовой колонны из темноты появился монах в длинном чёрном плаще.

— Брат Иероним, в миру Джеронимо Имперали ди Валенте, по прозвищу Вианданте, генуэзец, в монастыре с семнадцати лет — уже двадцать два года... — Дория не успел договорить,

как поражённый громким именем Сеттильяно жестом остановил. Легат взял канделарий, медленно приблизился к монаху и откинул с его головы капюшон. В изумлении отпрянул и замер, подняв тёмные, изломанные посередине брови. Нервно сморгнул. Это... это... что?

Такой красоты в мужчине кардинал не видывал отродясь: архангелы на храмовых ватиканских росписях и те были поблеклее. Густые смоляные волосы стоящего перед ним монаха обрамляли лик возвышенный и одухотворённый. Но высокий мраморный лоб, чеканный нос и тонко очерченные губы терялись в свете необычайно живых, ярко-синих глаз, потаённо мерцавших под мягкими соболями бровями. Несколько минут Сеттильяно, кусая губы, смотрел на Вианданте, но тут же, разозлившись на себя за невольно проступившее восхищение, кое он вовсе не собирался демонстрировать, кардинал отрывисто приказал:

— *Spogliarsi nudo.*¹

«А вот мы сейчас поглядим, чего на самом деле стоит этот ангелочек», пронеслась в голове легата изуверская мысль. Он ядовито усмехнулся.

Империали не обнаружил ни замешательства,

¹ Раздеться догола (ит.).

ни удивления, лишь повернул голову к епископу Лоренцо. Тот торопливо и испуганно кивнул. Монах развязал шейные шнурки, сбросил плащ и белую тунику на пол, методично снял кожаный пояс с чёрным шнурком четок, спокойно переступил через ворох тряпья и предстал перед Сеттильяно совершенно обнажённым, напомнив тому Давида с пращей — знаменитую флорентинскую статую папского скульптора из Тосканы.

Он не сделал попытки прикрыться и не выказал ни малейшего смущения.

Сеттильяно зло уставился на обнаженного. Увы... сквитаться не удалось. На теле монаха, столь же безупречном, как и лицо, не читалось следов порока. Не было ни пугающих гирлянд блудной сыпи, страшной заразы сифилиса, сгубившей за последнее сорокалетие уже тысячи распутников, ни отпечатков похотливых женских зубов, губ и ногтей, чего неминуемо ожидал увидеть легат. Кардинал внимательно рассматривал мощные плечи, безволосую грудь и детородные органы брата Джеронимо, не веря глазам. От доминиканца веяло чем-то запредельным, казалось, страшная сила этого прекрасного тела сдерживается только могучим усилием воли.

Сеттильяно невесть отчего странно смирился перед этой красотой, гнев его растаял.

— *In Corpus humanum pars Divini Spiritus mersa...*² — прошептал изумлённый легат, не в силах подавить восторженную улыбку, и даже прикоснулся кончиками пальцев к мускулистому плечу Имперали. — Ему сорок? — недоверчиво уточнил Сеттильяно, — я и тридцати не дал бы... — пробормотал он. — Говорите, двадцать два года у вас? — он повернулся к Дориа.

Интонации папского посланника смягчились, взгляд оттаял и потеплел, и Провинциал облегчённо вздохнул, поняв, что бурю пронесло. Он улыбнулся. Его любимец, *sbarbatello*, мальчишка, щенок, становится *canè da guàrdia*, псом Господним, *Domini canè!* Дориа поспешно добавил:

— Ему тридцать девять, сорок будет в сентябре. Иероним с отличием окончил школу верхней ступени здесь, в Болонье. Философия, основное богословие, церковная история и право — всё блестяще. Последние годы посвятил себя углублённому изучению богословия. Избирался последовательно элемеозинарием, ризничим, наставником новициев. Был лектором, бакалавром, ныне магистр богословия, преподает на нашей кафедре, — глаза епископа сияли: Имперали был его гордостью.

² Божественный Дух, вошедший в человеческое тело (лат.).

Легат театрально возвёл очи горе, словно соглашаясь, что, воистину, несть, видимо, равных сему кедрю ливанскому, однако сомнений не высказал, лишь негромко процитировал:

— «Богословие сообщает душе величайший из даров, соединяя её с Богом неразрушимым союзом, и является наивысшей из восьми степеней духовного созерцания, эсхатологической реальностью будущего века, которая позволяет нам выйти из самих себя в экстатическом восхищении...» Кто это сказал? — обратился он к Имперiali.

Джеронимо бросил кроткий взгляд на ворох своей одежды, ибо начал мерзнуть, и мягко, с легкой улыбкой, чуть тронувшей его губы, ответил, что эта слова святого Петра из Дамаска. Легат в немом изумлении ещё раз взглянул на Вианданте. Возможно ли? И среди плевел, значит, можно отыскать пшеницу? Он обошёл монаха и снова невольно залюбовался. Откуда такое? Дивны дела Божьи.

Между тем мысль, что пришла вдруг в голову епископа, заставила его преосвященство побледнеть. Знал бы заранее!.. Впрочем, время ещё есть. Дориа робко окликнул кардинала. Можно ли ему на минуту отлучиться — проверить, доставлены ли любимые его высокопреосвященством вина из Абруцци и

Шалон-сюр-Марна? Сеттильяно отрешённо кивнул, почти не расслышав. Глава приората протиснулся в двери и, насколько позволяли преклонные годы, ринулся в ризницу. Там сидели и тихо переговаривались несколько монахов. Сразу стало очевидно, что волновали почтенного прелата отнюдь не плоды лозы на кардинальской трапезе.

— Раздеться всем, живо! — задыхаясь, выпалил настоятель. Монахи ответили непонимающими взглядами, но спорить не осмелились. — Живо, я сказал! — зло прошипел Дория, всё ещё пытаюсь отдышаться.

...О Господи! Так он и думал! Из девяти доминиканцев только на телах троих — Гильельмо Аллоро, Умберто Фьораванти и Томазо Спенто — не было порочных следов ночных увеселений. Тело Фабьо Мандорио, на которого Дория возлагал надежды, как на второго и лучшего, после Вианданте, претендента, до такой степени было исцарапано по плечам и спине, будто мерзавец блудил не то с суккубом, не то с самим дьяволом. Джузеппе Боруччо, коего Лоренцо был склонен считать неплохим монахом, оказался явно заражён дурной болезнью. Тела остальных чернели следами блудных поцелуев городских метресс. Нехристи, мерзавцы, блудники проклятые!! Но разбираться с негодьями было некогда.

— Аллоро, Фьораванти, Спенто! Остаться

тут и ждать вызова. А вы все — вон отсюда! —
Епископ поспешил обратно.

Его отсутствие не отяготило Сеттильяно: он его просто не заметил. Кардинал позволил Джеронимо одеться и теперь непринужденно болтал с ним. Прелату было за семьдесят, он знал жизнь и оснований полагать, что среди всеобщего распутства можно остаться чистым, у него не было. Где-то непременно должна быть червоточина, и легат настойчиво и осторожно искал её.

Что до Империали, то он прекрасно понимал, кто перед ним. Видел и глаза папского посланника — чёрные и циничные, умные и недоверчивые. Отвечал немногословно и правдиво. Чуть смутился лишь однажды, при вопросе, познал ли он женщину? «Да, он не девственен», ответил Джеронимо и после короткой заминки добавил, что, к несчастью, лишился чистоты ещё в отрочестве. С тех пор уже четверть века пребывает в целомудрии и, с Божьей помощью, верен своим обетам Христу». — «Часто ли искушается?» Ответил, не задумываясь. «Нет, Господь хранит его. Он занят богословием, и это отвлекает от грязных помыслов». «Кто его родители?» — «Мать он потерял рано, она из Бельграно, а отец — Гвидо Империали, весьма состоятельный и известный в Генуе человек. Их дом за церковью Санта-Мария ди Каstellо, недалеко от дома Паллавичино делле

Пескьере». «Я знаю эту семью. Ваш предок — Андало, анциано и консул Генуи?» Вианданте предпочёл бы не отвечать, но под пристальным взглядом кардинала всё же уточнил: «Нет. Основатель нашего клана — Оберто Имперiale, сын Тартаро, чей потомок Дарио женился на Катерине ди Валенте, дочери генуэзского дожа».

Легат молча смотрел на монаха, назвавшего своей ту ветвь рода, что считала Сансеверино и Караччиоло выскочками. «И вас отпустили в монастырь?» Джеронимо объяснил, что покойный старший брат успел оставить потомство. Есть и сестра. «Почему Имперiali ди Валенте стали именоваться «Странниками», «Viandante»?» Джеронимо рассказал, что, согласно семейному преданию, один из его предков, Симон Имперiali, отсутствовал на войне за гроб Господень так долго, что по возвращении его не узнали ни слуги, ни выросшие дети. Даже жена встретила его на пороге словами: «Мир тебе, Странник...»

Тут епископ Дориа тактично вмешался в разговор и осторожно осведомился, будет ли гостю угодно поужинать, а после познакомиться с прочими претендентами, или он предпочитает покончить с этим до трапезы? Вопрос занял ум Сеттильяно всего на мгновение. Он пожелал сначала разделаться с осмотром и наконец отпустил Вианданте.

В келью вошли трое, подвергшиеся такому же досмотру, что и Джеронимо. Кардинал был удовлетворен: ни один из претендентов не выделялся красотой Имперiali, но лица были благообразны, а тела чисты. Один — Гильельмо Аллоро, хрупкий темноволосый и кареглазый ливорниец — был явно смущён бесстыдным и придирчивым обследованием кардинала. Аллоро сильно трясло, особенно заметно дрожали руки, коими он старался прикрыться и от взгляда легата, и от братьев. Голубоглазый блондин Фьораванти, флорентинец, отвечавший на вопросы легата на неискоренимом родном диалекте, был странно возбужден, а уроженец Феррары Томазо Спенто, коротко стриженный и похожий на императора Августа, напротив, казался спокойным и безучастным.

Из покоев епископа доносились ароматы снеди, и проголодавшийся Сеттильяно наконец кивнул: «Да, подходят» и приказал переписать для него имена. Движением руки велел братьям уйти, епископ Дория осторожно перевёл дыхание. При мысли, что было бы, не прояви он благой поспешности и мудрой предусмотрительности, у него потемнело в глазах. Ну, ничего, после отъезда легата он с мерзавцами ещё разберётся! Слава Богу, он успел спрятать грязь под коврик... Радовала и мысль об успешной аттестации его любимца. Дория

и Империа́ли были земляками, и епископ всегда благоволил к Джеронимо, вкладывая в обращённые к нему слова «сын мой» чуть больше теплоты, чем полагалось, ибо был не только другом его отца, но и отдалённым, в четвертом колене, родственником его покойной матери.

За ужином кардинал Сеттильяно, едва утолив первый голод, вернулся к занимавшему его вопросу.

— Сведущий в делах человеческих не славит, Энцо, святость монашескую. Испушенный в понимании мира, аще только не вовсе безумен, воспевает ли хвалу чистоте, паче чаяния, в эти, последние, времена? Ваш выкормыш слишком хорош, чтобы быть безгрешным, — без обиняков заявил он Дориа. — Кому как не вам, настоятелю монастыря, знать об извечном биче в монастырской ограде — неутолённой похоти молодых мужчин и шалостях полуденного беса? И думать, что такой красавец никогда не искусился сам, или не был искушаем другими... Кто в это поверит?

Его преосвященство миндалевидными, необычайно живыми для седьмого десятка глазами искоса поглядел на легата, но ни растерянности, ни замешательства этот взгляд не обнаруживал. Дориа только пожал плечами.

— Случается. В монастыре сто шестьдесят три монаха и двенадцать послушников. За каждым

не усмотришь, да и незачем, — жестко добавил епископ, тряхнув седыми прядями вьющихся волос. — Непорочность, которую нужно стеречь, не стоит того, чтобы её стеречь. Не уберёжёт себя монах — и я не уберегу. Но, как бы то ни было, грех мерзейший, содомский, требует молчания и мрака, а мой выкормыш, как изволил выразиться его высокопреосвященство, слишком... на виду. — Губы Провинциала искривились. — Лет пятнадцать назад он... — Дория замолчал.

— Что же он? — прожёвывая трюфель, невинно спросил Сеттильяно.

«Он нагрешил», вяло продолжил Провинциал. Кардинал понимающе кивнул. «Все мы грешники. Искусился, стало быть, и красавец?» Епископ закусил губу, наморщил нос с тонкой горбинкой и покачал головой. «Это, в общем-то, не тайна. Он после всенощной, дело было возле монастырского кладбища, свидетелей не было... поднял руку на брата по обители». Легат замер с полуоткрытым ртом. «Сделал что?» — «Он одного из братии — Эрменеджильдо Гиберти — ударил по щеке и швырнул в могильную яму».

Дория умолк.

— За что? Как объяснил это Гиберти? — полюбопытствовал Сеттильяно.

— А никак. Брат Джеронимо не осознаёт своей силы. У Гиберти оказалась сломана челюсть,

его отвели в лечебницу. А наутро избитый сбежал из монастыря. Потом некоторые послушники заговорили, что неоднократно слышали от брата Эрменеджильдо мерзейшие предложения. Брат Джеронимо, будучи той же ночью спрошен о причинах своего поступка, заявил, что был в помрачении и не помнит, что делал. На следующий вечер, на дознании, приведённый к присяге, в ответ на прямой вопрос, предлагал ли ему покинувший монастырь брат Гиберти вступить с ним в кощунственную и оскорбляющую Бога противоестественную связь, признался, что, услышь он подобное предложение, оплеухой бы не обошлось. А так он просто разгневался на двусмысленный жест брата, рассказать о котором немислимо, ибо он не только унизителен для чести мужчины, но и оскорбляет величие Божие. Первое он, Джеронимо, может быть, и сумел бы смиренно перенести, но второе, по его мнению, совершенно непереносимо. Всему, мол, есть предел. Больше от него ничего добиться не удалось.

В конце трапезы епископ отметил способности Имперали. Он, правда, был любимчиком покойного Перетто Помпонацци, философа нашего болонского, но и Цангино, и Амальдини, и Альберти — все отцы-инквизиторы тоже в один голос уверяют, что более одарённого ученика у них ещё не было, ум Имперали быстр и

изошрён, вера истинна и незыблема, он обладает сильной волей, и ему, Дориа, кажется, что он справится и в Тренто...

После прекрасного ужина и обильного возлияния, делавшего честь монастырской кухне, гостя проводили в опочивальню, где кардинала уже ждал крохотный и неприметный человек, Джакомо Кардуччи, платный осведомитель его высокопреосвященства. Лицо этого человека не поддавалось описанию, ибо при изменении угла зрения разительно менялось. Сеттильяно развалился на шёлковом покрывале и ограничился ленивым междометием: «Ну?»

Доносчик тут же заговорил:

— Наш хозяин едва не оплошал. Он хотел убедить вас, что в его псарне возвращают достойных псов Божьих, и основательно натаскал их. Иные и впрямь неплохие богословы. Но ему, понятно, и в голову не приходило, что вы заглянете в глубину их... душ. — Кардуччи тонко усмехнулся. — В итоге спешно пришлось, *ab haedis*, так сказать, *segregare oves*, отделять овец от козлиц, — и улов достопочтенного прелата уменьшился на две трети.

Сообщение Кардуччи большого впечатления на легата не произвело. Епископа он знал как прожжённого и умного клирика, но отнюдь не законченного мерзавца, коих в последнее время

встречалось семь из десяти. Такими людьми надо дорожить: лучшего всё равно не будет. Дориа был назначен еще генеральным магистром Томмазо де Вио, пережил генерала Гарсиа де Лоайсу и Франческо Сильвестри, и нынешнего, Бутиджеллу, переживёт. Гниль в его приорате — это его, Лоренцо, проблемы, и епископ способен решить их сам, иначе не был бы здесь главой добрых четырнадцать лет подряд.

— Что рассказал Скорца? — спросил кардинал.

— Немного. Брат Гильельмо, в миру Аньелло дельи Аллоро, тридцати восьми лет. Тих, скромн, почти незаметен. Девственник. Поговаривают, плохо проповедует, но как канонист хорош. Не любит толпу. Весьма умеренно пьёт. Боится женщин. Сын Винченцо Аллоро из Ливорно, погибшего при пожаре в год правления Его Святейшества Пия III. Крови хорошей. Его ценят как прекрасного миниатюриста. Ни в чём порочном не замечен. Боюсь, не способен возглавить Трибунал, но пригодиться может. Друзен с Имперали, которого здесь чаще называют Странником, Viandante.

Легат внимательно слушал наушника, никак не комментируя сказанное. Тот методично продолжал:

— Брат Умберто, в миру Джамбаттиста ди

Фьораванти, хорошего флорентинского рода, сорок два года, честолобив, горазд привлечь к себе внимание, любит порисоваться. Но проповедник от Бога. В блудных связях... не уличён. Умён и осторожен. Поговаривают, епископ включил его в список последним. Ему не очень-то доверяют.

Брат Томазо, в миру Теренцио Спенто, из простецов, сорок один год. Монастырский эконом. Враждует с несколькими братьями, очень замкнут. Нет друзей, нет и метрессы. Это проверено. Станные слухи — хотя ни одной жалобы не поступало, — говорят о его пристрастии к юным послушникам. Когда год назад от чахотки умер двенадцатилетний Массимо Терамано по прозвищу Раноккио, Лягушонок, Спенто оплакивал его... как Ахилл Патрокла. И доныне часто бывает у могилы мальчишки. На этом основании, надо полагать, сплетня и родилась.

Легат ничего не говорил, и Кардуччи понял, что тот попросту ждёт окончания рассказа.

— Брат Иероним Вианданте, в миру Джеронимо Имперiali ди Валенте. Генуэзец. Тридцать девять лет. Графский сынок. — Осведомитель замолк и, подняв голову, встретился с внимательным взглядом Сеттильяно. Кардуччи снова опустил глаза, пожевал губами. Переплёл пальцы и снова разъединил их. Вновь сцепил и снова развёл. И наконец внятно, тихо, с неким

недоумением и легкой насмешкой проронил, — святой.

...Джеронимо вышел за ограду монастырского сада и побрёл по тропинке до руин старого замка Эмилиано Пармиджанино. Вдохнул аромат зрелой весны и зеленых древесных побегов, прислушался к странным звукам в ночи, к трелям цикад и шороху камыша, взглянул на бездонное ночное небо, усеянное россыпью сияющих звезд. Он сразу, ещё в покоях епископа, догадался, что одобрен, и спустя несколько декад от делегата Святого Престола придёт назначение на должность. Потом ему надлежало получить вспомогательную грамоту, обязывающую все Трибуналы и магистраты оказывать ему, инквизитору Священного Трибунала, всякую помощь, предоставлять помещение и не допускать нанесения хотя бы малейшего оскорбления или ущерба... Не знал он только города назначения.

Но всё это ничуть не занимало его.

Эта непонятная многим отрешённость проявилась рано. Странное чувство чего-то недостижимого томило Джеронимо, а жизнь, что была вокруг бурным и нечистым ключом, казалась какой-то ненастоящей, случайной и пустой. Неужели всё это происходит с ним? Семейное прозвище проступило новой гранью. Да, Джеронимо был путником, странником, чужаком в

этом мире, нездешним, пришлым неведомо откуда, посторонним и потусторонним. Постоянное несовпадение его души с происходящим, отстраненность от мира заметили и отец, и сверстники. Но отцу, сумрачно и одиноко живущему после смерти жены и старшего сына, в младшем, что запечатлел на лице прекрасные черты его любимой, это даже нравилось, ровесники же видели в его поведении обычное высокомерие патриция.

В сердце его на двенадцатом году сначала затеплилась, а потом и вспыхнула первая любовь — любовь к Совершенству, любовь к Иисусу, но пробудившаяся в это же время чувственность прибила к земле. Мальчишка мечтал о женщинах, которые казались существами таинственными и непостижимыми, но робел и трепетал перед ними.

...Юная Бриджитта, дочь жившей по соседству вдовы Фортунатто, неожиданно повисла на его шее августовским вечером в отцовской конюшне и свалила на сеновал. От бесстыдства девчонки он, тогда четырнадцатилетний отрок, оторопел, запах вспотевшего тела был противен до тошноты, но опытная рука юной потаскушки возбудила его, и Джеронимо сделал то, что диктовала природа. Женщина подарила Вианданте мужественность и опаляющий жар чресел, но отняла чистоту, благие мысли о женственности,

сбросив романтический покров с последней тайны жизни. Он прочувствовал брэнность желания, томление плоти почему-то слилось с острым ощущением собственной смертности, и с тех пор, завидев Бриджитту, отрок торопливо забирался на чердак и следил за ней оттуда со смешанным чувством отвращения и возбуждения. Он часто видел во сне её девичью грудь, смердящие волосы в подмышечных впадинах и миндалевидные зелёные глаза, что поразили и испугали его застывшей в них тупой и ненасытимой страстностью.

С того времени юноша въявь избегал женщин и проявлял похвальное рвение к книгам. Его тянуло в храм, там он обретал покой. Всё чаще заговаривал с отцом о монастыре. Почти запредельная высота помыслов, равнодушие к царившей вокруг суете и отвращение к разврату, безразличие к славе и мирским благам, тяга к одиночеству — всё то, что делало его изгоем в мире, здесь называлось угодным Господу. Отец в конце концов одобрил решение сына, и Джеронимо Империали стал послушником у доминиканцев, а после — монахом Иеронимом.

Монастырские годы протекли незаметно, но не бесплодно. Наблюдение за своими помыслами, сотни книг, проповеди на улицах и общение с собратьями постепенно одарили пониманием сокровенного. Братья-доминиканцы его, как ни

странно, любили. Даже те, чья жизнь не отличалась праведностью, по неизвестной причине не испытывали к нему ни зависти, ни ненависти. Дурные искушения, вроде случая с Гиберти, случались нечасто. Вианданте нашёл себя на монашеском поприще, хотя иногда переживал страшные дни — дни богооставленности, дни абсолютного бессилия и пустоты, когда дух слабел и изнемогал без Божественной помощи. Имперiali научился выслеживать в глубине своей души ничтожнейшие помыслы, что лишали благодати, подавлять и отторгать их.

Тогда он ощущал за спиной привычные крылья и таял в любви и благодарности к Творцу.

Внутреннее родство связало их с Гильельмо Аллоро. Впечатлительный и уязвимый, тот понравился Вианданте истовой верой, благородством мыслей и готовностью к непоказному монашескому подвигу. Аллоро же, замороженный мощью ума и удивительной красотой Джеронимо, дорожил его вниманием, а затем — привязанностью, как высшим из земных даров.

Ещё в юности Вианданте поразил наставника новициев отца Марко. Тот, застав его в глубоком размышлении, спросил, не боится ли юный Джеронимо потерять время? Иеронимус ответил наистраннейшими словами: «Пусть время боится

потерять меня». Эти слова, переданные Дориа, побудили епископа по-новому взглянуть на ангелоподобного юношу, и если раньше он полагал, что прекрасная внешность брата Джеронимо будет разве что способствовать успеху его проповедей, а красивый голос украсит богослужение, то теперь решил, что стоит, пожалуй, попытаться начать готовить его к самому ответственному из поприщ ордена — инквизиционному, куда выбирался один из сорока братьев.

Джеронимо спустился к ручью, зачерпнул ладонью прозрачную воду, приник губами. Ледяная вода имела странный мятно-медовый вкус и чуть ломила зубы. На монастырском подворье пробил колокол. Пора было возвращаться. Подобрал полы монашеской рясы, он пробежал по склону, перескочил прямо через ограду, и так же бегом добрался до ризницы, завернул в дормиторий³, миновал коридор и очутился у двери своей кельи. Остановился.

На миг показалось, что за дверью кто-то есть.

Так и было. На его постели, обхватив столбец полога, сидел Гильельмо, малыш Джельмино, которого сам Джеронимо чаще звал просто Лелло. От шороха шагов тот вздрогнул, но, увидев

³ Спальный корпус.

Вианданте, глубоко и судорожно вздохнул. Имперiali усмехнулся, мгновенно поняв, что легат подверг, видимо, других претендентов той же процедуре, что и его, а зная застенчивость Аллоро, Джеронимо легко представил себе произведённое на друга этим досмотром впечатление. Сам он не видел в действиях Сеттильяно стремления унижить претендентов, в его глазах это была хоть и грубая, но единственная возможность быстро и безошибочно разобраться в нравственных достоинствах кандидатов. Имперiali понимал Сеттильяно. Но и заметь он в распоряжении легата желание задеть его достоинство — безмолвно покорился бы, смирившись. Суета это всё.

— Он записал твоё имя, Джельмино? — спросил Имперiali, обняв Аллоро за плечи.

Тот кивнул, пытаясь унять дрожь в руках. Вианданте улыбнулся. Слава Богу. С девичьей стыдливостью друга он был знаком давно, нелепо с ней и бороться. Джеронимо заставил Аллоро умыться и повёл в трапезную. По пути тот рассказал другу о внезапном появлении отца-настоятеля в ризнице и загадочном приказе, завершившимся изгнанием почти всех собратьев, и Имперiali не составило труда мгновенно понять, что за этим последует. В отличие от Гильельмо, Джеронимо был бесстрастен, не реагировал душой на происходящее, но осмыслял его молниеносно. И

выводы делал безошибочные.

Сейчас он уверено предрёк Мандорио и Боруччо беду и даже обронил, что на их месте в эту же ночь покинул бы монастырь. Гильельмо подобные пророчества всегда изумляли: Лелло и в этот раз по невинности своей даже не постиг, что произошло в ризнице. Смущённый приказом Дориа, он, как в чаду, стоял перед епископом, не замечая ничего вокруг, но даже если и заметил бы, то всё равно не понял бы происхождения взбесивших настоятеля следов порока. Вианданте умилялся чистотой Аллоро, а его наивностью, являвшуюся её следствием, порой даже беззлобно забавлялся.

Весть о прошедших отбор его высокопреосвященства распространилась по монастырю после вечерней трапезы. Оронзо Беренгардио, длинноносый равенец, их приятель, обнял Джеронимо с Гильельмо, остальные наперебой поздравляли их. Пятнадцать лет инквизиционного Трибунала, потом — почти гарантированное епископское кресло, а там, глядишь, до кардинальской шапки да папской тиары рукой подать, смеялись сотрапезники. Такая карьера, заметим, и впрямь не исключалась. Не все инквизиторы становились папами, но большинство пап в прошлом были инквизиторами.

Наутро, после мессы, папский легат отбыл восвояси. Разумеется, Сетильяно не мог на

прощанье не выпустить ядовитой парфянской стрелы и, перегнувшись через луку седла, его высокопреосвященство язвительно порекомендовал провинциальному приору сугубо озаботиться перевоспитанием... шести блудных овечек своего стада.

Тот побледнел и кивнул. «И кто донёс, хотелось бы знать?» Дориа в досаде закусил губу. Но всё это были, в общем-то, издержки, неизбежные в любом деле. Умный прелат понимал, что всё обошлось. Он поклонился легату и тихо попросил не забыть его просьбы направить Вианданте в Тренто.

Кардинал стегнул лошадь.

Братья перешёптывались, обсуждая отъезд кардинала, но их разговоры прервал келейник епископа, велевший шестерым братьям немедленно идти к отцу Витторио, который числился на должности монастырского ключаря, но иногда исполнял и иные обязанности. Дориа решил, что вопрос о неизвестном доносчике можно обдумать и после, и отправился в ежедневный обход обители. Планомерно обследовал церковный двор, капитулярную залу, монастырские галереи, храм, дормиторий, купальню, маслобойню, конюшню и больничный корпус, остановился перед трапезной, где отдал монастырскому повару жесткое распоряжение относительно откармливаемых

поросят и уже мягче осведомился о готовности коптящихся в дымоходе окороков, одним из которых вскоре намеревался полакомиться.

Напоследок поднялся в учебные помещения. В скриптории, под размещённым над арочным перекрытием девизом ордена — «Laudare, Benedicere, Praedicare — Восхвалять, Благословлять, Проповедовать» — кипела работа. Одни братья шлифовали пергаменты, другие проводили на них линии, работали несколько писцов, корректоров, миниатюристов, переплетчиков. Среди столов с ящичками, заполненными тончайшими лебедиными перьями и стилосами, пемзами и двурогими чернильницами, стояли четверо монахов. Ещё один, двадцатилетний Джанино Регола с экстатическими, полными слёз глазами, горестно взирал на столешницу с растянутым на ней испорченным пергаментом. Эконом, ранее заявивший, что из-за этого растяпы перечищают уже третий пергамент за неделю, смотрел на него как Иисус на храмовых торговцев, а Аллоро, великолепный миниатюрист и рубрикатор, защищал своего ученика. Джеронимо же мягко уверял эконома, что причиной расплывшейся золотой туши на рекапитуляции как раз и был плохо почищенный волосатый пергамент, а Мариано Скорца, который работал рядом с Реголой, просто воспользовавшийся спором для

короткой передышки и отрешённо пялился на поставец, вертя в руках пропорциональный циркуль. Луиджи Луччано, маленький послушник, сидел у окна и зубрил орденский устав, бормоча скороговоркой: «Необходимые для достижения личной святости молитва, созерцание, аскеза, скитальчество и бедность должны быть соединены с глубоким и католическим знанием...»

Приора заметили не сразу, но как только его присутствие обозначилось, разговор смолк. Эконом быстро снял и забрал испорченный пергамент, Аллоро помог Реголе закрепить на столешнице другой, а Скорца торопливо вернулся на своё место, где лежали кожи из Кордовы и стояли тушечницы с сусальным золотом. Вианданте не двинулся с места и не изменил позы. Приор молча прошёл через скрипторий и направился в свои покои.

Через полчаса, основательно подкрепившись, настоятель спустился в подвал под храмовыми хранилищами. Монахи, растянутые на деревянных козлах отцом Витторио, стонали сквозь зубы, корчась под ударами тяжелого бича. Епископ, сохранивший в свои годы недюжинную силу, мстительно и сладострастно улыбнулся, сняв со стены кнут.

Стоны сменились криками. Сама провинность этих мерзавцев была, может быть, и простительна, но осмелиться блудить именно тогда, когда от

безупречности поведения братии зависело благополучие ордена, приората, монастыря и, не в последнюю очередь, его собственное благополучие? Дориа яростно опускал плеть на спины и ягодицы распутников, всё больше входя в раж. Выдержать такую порку не мог никто, и доминиканцы один за другим теряли сознание. Фабьо Мандорио был избит до полусмерти. Джузеппе Боруччо, окровавленного и изувеченного, велено было вышвырнуть из монастыря. Настоятель распорядился развязать остальных, не выпускать их из подвала в течение месяца, держать на хлебе и воде. Остановился, задумался. Не слишком ли он, упаси Бог, гуманен и мягкосердечен?

Может, засадить потаскунов на полгода?

Письма из Римской курии, датированные июнем лета Господнего 1531, утвержденные генералом ордена и папским легатом, пришли спустя четыре с лишним недели. Они предписывали новым инквизиторам, магистру богословия Джеронимо Имперiali с канонистом Гильельмо Аллоро и бакалавру Томазо Спенто с канонистом Умберто Фьораванти, отбыть на север, первым — в Тренто, вторым — в Больцано.

Незадолго до их отъезда епископ Дориа вызвал Вианданте к себе в покои. Тот удивился: приор был бледен и сосредоточен, на виске его чуть

заметно пульсировала вена, подбородок, раздвоенный небольшой впадиной, временами подергивался. Его преосвященство долго молчал, но в итоге всё же приказал Вианданте по прибытии в город осторожно расследовать смерть своего предшественника — Фогаццаро Гоццано. «Его нашли мёртвым... в местном блудном доме».

По лицу Дория пробежала судорога.

— Если обстоятельства таковы, как говорят, ничего не поделаешь. Но Гоццано писал мне незадолго до смерти, — приор не договорил: новая судорога исказила его лицо.

На вопрос, где письмо, епископ поспешно ответил, что оно сожжено. «Тогда я не думал, что оно может понадобиться. В общем, данные тебе полномочия и твои способности... Попытайся разобраться на месте. Там будет Леваро — старший денунциант⁴ — рассчитывай на него, он мне родня. Не докладывай об этом деле в Рим! Если что-то выяснится, вернее, что бы там не выяснилось — извести только меня». Джеронимо промолчал. Тихо склонил голову, опустил на колени, принимая благословение.

За сборами, помогая Гильельмо паковать

4 Начальник платных осведомителей Трибунала Инквизиции.

книги, затягивая ремни на дорожном сундуке, Имперiali в недоумении возвращался мыслями к только что закончившемуся разговору. Что произошло в Тренто? Что за человек был Фогаццаро Гоццано? Что он написал епископу перед смертью? А главное, почему приор солгал, что сжѐг письмо?

Это свойство в себе Имперiali хорошо знал. Глубокое понимание людей и любовь к ним, как к братьям в Господе, ещё в юности породили в нём необъяснимый, но безошибочный слух на ложь, фильтрующий слова людские не в произнесѐнном слове, но в глубине сердца. Этот слух позволял ему моментально отделять истину от её извращений, словесных плевел. Джеронимо не анализировал в себе это качество, но всегда безотчетно пользовался им.

Епископ, безусловно, лгал. В этом не было сомнений.

Но почему? Имперiali хорошо знал учителя. Умный и циничный, Дориа был из тех, кто, заслышав петарды фейерверка, бывают уверены в нападении неприятеля, учуяв запах роз, озираются в поисках похоронной процессии, а узрев затмение солнца, полагают его концом света. Дориа всегда вычленял из всех причин самые безнадежные следствия и в самых невинных вещах прозревал самые ужасающие основания, проявляя при этом

истинно христианскую готовность принять их с полным душевным смирением. И чтобы лицо такого человека исказила такая боль, нужно нечто большее, чем дурная молва на орден.

Ладно — «*sufficit diei malitia sua* — довольно для каждого дня своей заботы».

Уезжали все они затемно, в воскресенье, второго июля, до рассвета. Проводить их вышли Оронзо Беренгардио, Джанни Регола, келарь брат Рудольфо, камерарий брат Джованни, госпиталий и прекантор. Спенто и Фьораванти тоже выехали с ними, и их путь лежал в Больцано, в Трентино-Альто-Адидже, в нескольких часах езды на север от Тренто.

У ворот Джеронимо обернулся на монастырь. Он никогда не привязывался душой местам, куда забрасывала монашеская судьба, и сейчас покидал его почти без сожалений. Гильельмо же оглядывался с тоской: что ждёт его в Тренто? Впрочем, пока с ним Джеронимо... Аллоро истово молился все предшествующие дни, чтобы Господь не разлучил их, и, получив общее с другом назначение, в ликовании возблагодарил Всевышнего.

Они в последний раз прошли под аркой, венчающей монастырские ворота. Шаги отчетливо и гулко звучали под её каменными сводами.

«Quomodo sedet sola civitas!»⁵ — тихо пробормотал Гильельмо цитату из Иеремии. «Да, — мысленно согласился Джеронимо, — как одинок город, как одиноки шаги путника, как одинок в этих предрассветных сумерках дух мой...»

Глава 2

В которой упомянутые в конце предыдущей главы епископом Лоренцо Дориа полномочия и способности мессира Джеронимо Имперiali начинают проступать достаточно явственно.

Три дня доминиканцы были в пути, пока на четвертый не достигли древнего галльского поселения на реке Адидже, которое немцы называли Триентом, а местные монахи — Тридентиумом. С 1027 года по Рождестве Господнем, когда епископ города получил княжеский титул, Тренто стал центром церковного княжества.

Отсюда же начал свои мерзкие проповеди два века назад и пакостный разбойник Дольчино.

Места эти были красивы. Нигде и никогда не встречал Гильельмо, уроженец тосканских низин,

⁵ «Как одинок город...» (лат.).

омываемых водами Лигурийскими, таких живописных предгорий, таких странных трав на рыжих отрогах. Другие запахи и другие цветы, иные звуки и даже иной воздух — всё опьяняло. Возле города они расстались со Спенто и Фьораванти, которые отказались переночевать в Тренто, ибо рассчитывали засветло добраться до Больцано. Томазо был как всегда безучастен, но на прощание крепко обнял товарищей по ордену. Фьораванти простился куда сердечнее, приглашал приезжать, обещал по обустройству в Больцано непременно навестить их и дал слово вытащить с собой Спенто.

Тренто лежал у подножья Альп в живописной долине, пересечённой полноводной рекой. Сверху было заметно, что на территории города в Адидже впадали два притока, звавшиеся, как позднее узнал Джеронимо, Ферсина и Авизио. Справившись, где Палаццо-Преторио, резиденция князя-епископа, они направились к заполненной народом рыночной площади, гудящей вульгарной руганью торгашей и звонкими криками приказчиков. Аллоро оглядел трентинцев. Торговцы и покупатели чередовались в пёстрой толпе с кочующим мастеровым людом: ткачами, медниками, точильщиками, плетельщиками корзин и каменотесами. Меж ними мелькали шарлатаны, жулики, нищие и побирушки, убогие, почтеннейшие христарадники, продавцы

индугенций, странники и бродячие студенты, отставные наемники да плуты-обиратели.

Хозяин княжества был предупреждён об их приезде и встретил доминиканцев на пороге своей резиденции. Его высокопреосвященству мессире Бернардо Клезио, точнее, италянизированному немцу Бернард фон Глессу, который когда-то прожил в Генуе около полугода, было приятно, отметил он, встретить уроженца тех мест, где он сам бывал когда-то. Знал князь-епископ, недавно возведенный в сан кардинала, и о происхождении нового инквизитора.

— Надо же, сынок графа Гвидо! Род Властителей! Вы, стало быть, виконт?

— Монах, — мягко поправил приезжий и снял наполовину закрывавший лицо доминиканский капюшон.

Клезио просто оторопел. «Не ангел ли Господень будет отныне отправлять правосудие в Тридентиуме? — изумился он и вздохнул. — А вмешательство небесных сил было бы, ох, нелишним. Времена пришли последние...»

Вианданте, давно свыкшийся с впечатлением, производимым его внешностью, даже не улыбнулся. Князь-епископ Тренто с измождённым лицом, отражавшим бурю страстей прошлого, усмирённую усилием воли и жаждой праведности, показался ему человеком достойным, но

трясущиеся руки, выдававшие не то нервное расслабление, не то предел слабости, не позволяли уповать на его весомое содействие. Однако, князь-епископ был не стар, скорее, болен. Приглядевшись, инквизитор подумал, что тому нет и пятидесяти. Клезио правил здесь уже шестнадцать лет, его называли советником Максимилиана, строителем и устройтелем княжества, что было необходимо, ибо местные земли жестоко пострадали от недавних военных баталий, грабежей ландскнехтов и землетрясения, случившегося в этих местах лет десять назад. К тому же шесть лет назад, в двадцать пятом году, в городе вспыхнула смута, которую Клезио лишь с огромным трудом удалось усмирить. Да, жизнь князя-епископа трудно было назвать спокойной.

Весть о том, что в город прибыл новый инквизитор, распространилась по рынку с быстротой молнии и вскоре дошла до окраин. В это же время новому главе Священного Трибунала был представлен прокурор-фискал инквизиции, глава местных денунциантов — Элиа Леваро, тоже извещённый об их приезде. Тонкое и умное лицо начальника инквизиционных осведомителей, благодаря которым зачастую раскрывались семь преступлений из десяти, понравилось Вианданте. Он заметил, что сам Леваро искушёнными, многоопытными тёмно-карими глазами,

опушенными густыми ресницами, внимательно и настороженно изучает его. Джеронимо решил пока не спрашивать о своём предшественнике и вначале просто осмотреться. Дом, предназначенный для инквизиторов, следователей Священного Трибунала, располагался совсем недалеко от епископского дворца, и Клезио, опираясь на посох, проводил их к нему по узкой мощёной улице, примыкавшей к храму.

Они с Леваро оставили Гильельмо обустроиваться в инквизиторском доме, оказавшемся удобным и поместительным, проводили кардинала обратно в его резиденцию, и так как новый инквизитор не стал отказываться от приглашения к обеду, не отказался и денунциант. В ожидании трапезы оба вышли на балкон, откуда открывался вид на Пьяцца Дуомо — городскую площадь напротив собора Сан-Виджилио. Толпа ещё не расходилась, скучиваясь у прилавков. Леваро любезно знакомил его с окрестностями. «Вон то величественное строение — замок Буонконсильо с башней Торре-дель-Аквила, вон там — церковь Санта-Мария-Маджоре, её отстроили только десять лет назад. Ещё в городе, кроме кафедрального собора, три храма — Сан-Пьетро, Сан-Апполинаре и Сан-Лоренцо». Вианданте, не проявляя никакого интереса к достопримечательностям, надвинув капюшон на

лицо, пристально смотрел вниз, на площадь. Неожиданно он обратился к прокурору:

— Кто тот человек в серой рубаше, очень бледный, опирается на палку, стоит на паперти?

Леваро, повинувшись его указанию, выследил взглядом маленького человечка с крупным носом и близко посаженными блёклыми глазами на испитом лице.

— Это Сандро Дзокколо, — денунциант чуть помедлил, — попрошайка и надувала. Зачем он вам, ваша милость?

Вианданте молчал. Толпа внизу двигалась как живое море. В ней мелькали поддельщики папских булл и воззваний, шаромыжники с церковными кружками, монахи-расстриги, удравшие из монастырей, мошенники всех мастей, еретики, дурацкими проповедями уловляющие глупцов, возмутители спокойствия, наводчики, ночные тати и бывшие острожники, официальные проститутки и шлюхи-одиночки, ведьмы-отравительницы и гадатели, хироманты и колдуны, знахари и целители, лукавые притворщики, симулирующие эпилепсию и бледную немочь, в конвульсиях падающие наземь посреди площадей, любострастники, совращающие обманом и насилием монашек и честных девушек, алчущие свежей поживы греховодники-мужеложцы, хитрованы и святопродавцы. Всё это в ближайшие

годы, увы, станет его поприщем. Инквизитор вздохнул и понял, что в задумчивости не ответил денунцианту.

— Зачем, спрашиваете? Да ни за чем. Но он вовсе не надувала. Он, дорогой мой, здесь у вас ворьем заправляет.

Леваро медленно повернулся к Имперiali и пронзил его из-под полуопущенных век изумлённым взглядом, в каковом, однако, читалось не столько удивление, сколько восхищение. Да неужто этот херувим и в делах человеческих сведущ?

Поначалу новый хозяин Трибунала не вызвал доверия подчинённого. Имперiali ди Валенте! Надо же! Ещё бы Медичи или Висконти прислали! Равно и красота нового инквизитора — яркая, броская, победительная — показалась ему неуместной, совершенно излишней. Негоже мужику быть архангелом Михаилом с иконостаса. Да ещё магистр богословия! Среди мерзости, заполонившей в наши, увы, последние времена города и веси, не проповедовать надо, господин красавец-магистр! Проповедей они ещё от катаров, да от чертовых миноритов, да от разбойных пастушат, да от волков мерзавца Дольчино, да от трясущихся иеродулов, гумилиатов, богардов, гильомитов и от сотен других психопатичных идиотов, вообразивших себя избранниками

Божьими, понаслушались вдоволь! Сколько шаталось этих еретиков из попов-расстриг да мужиков-сластолюбцев по местным дорогам, внося смуту в народ бреднями о какой-то бедности да евангельской праведности, потом — убивая, насилуя да грабя всё на своём пути, с единственной и подлой целью — руки погреть да хер потешить? И опять — проповеди?!

Но теперь раздражение денунцианта улеглось. Вот так, с одного взгляда из-под капюшона, высмотреть жоака местного жулья? Недурно. Если так пойдёт, толк будет. Впрочем, не стоит обнадёживаться. Пусть оглядится.

Вианданте и сам собирался поступить подобным образом, а пока, усевшись за трапезу и поднимая бокал за здоровье хозяина дома (а его ему явно недоставало!), он неторопливо расспрашивал о жизни в Тренто. Иногда у инквизитора возникали трения с местным епископом или подеста, разногласия из-за амбиций или простой антипатии, но здесь Джеронимо не ждал ничего подобного. Его высокопреосвященство твёрдо дал понять, что ожидает от вновь прибывших установления в городе порядка, и готов их в этом поддержать... по мере сил. Вианданте сделал вывод, что помощи они, может быть, и не дождутся, но мешать им не будут. И на том спасибо.

Леваро, в свою очередь, известил главу

Священного Трибунала о положении дел в оном. Вся служба, как предписано, состояла из должностных лиц — секретарей, приёмщиков и смотрителей тюрем, по совместительству — экзекуторов и палачей, а также служащих — сиречь, писцов и канцелярских крыс, ну и, конечно же, чиновников — троих комиссаров инквизиции, один из которых руководил эскортом конвоиров-охранников, второй — рядовых стражников, и самого Леваро, прокурора-фискала, начальника местных сыщиков и денунциантов, бывших на жаловании, внешней и внутренней полиции для чёрной, так сказать, работы.

Джеронимо кивнул. «Всё как надо. Кстати, Леваро, сколько вам лет?» «Тридцать девять. Я был назначен год назад покойным мессиром Гоццано». Прокурор-фискал смерил нового начальника опасливым взглядом. Джеронимо снова кивнул. «Какова обстановка в городе?» Леваро методично перечислил события последних месяцев, когда в городе не отправлялся Трибунал из-за... он замялся... из-за безвременной кончины мессира Гоццано, да упокоит Господь душу его с миром. Мелкие жалобы на сглаз и пустяковые кляузы меркли в сравнении с двумя страшными и необъяснимыми убийствами, одно из которых произошло уже два месяца тому, а второе — две недели назад. «В обоих случаях есть нечто общее

— убиты женщины, причём, весьма состоятельные, и оба раза — он замялся, — одинаково. Мы называем убийцу Луро таттаго, Оборотень, Ликантроп. Это дьявольщина. Я познакомлю вас с подробностями в Трибунале».

Джеронимо понял, что он не хочет говорить о чём-то весьма мерзком, и кивнул.

— Были и ещё происшествия. Кто-то поджёт на окраине дом Луиджи Спалацатто. В пламени погиб и он сам, и жена, и двое его ребятишек, и только что вернувшийся из Рима его брат Гвидо. Поджог был явный. Соседи заметили, что запылал дом снаружи, обложенный соломой, а главное, труп одного ребенка не сгорел до конца, сохранив следы ножевого удара. Соседка — Мария Ладзаре, они дружны были с Катариной, женой Луиджи — утверждала, что видела поджигателя, вынесшего огромный тюк из дома. Он подумала, что это брат Луиджи Гвидо понес товар в лавку, но...

Джеронимо поморщился. «А мы-то тут причём? Это — уголовщина». — «Да, кивнул Элиа. Но за три дня до пожара Катарина жаловалась соседке, что кто-то подбросил под её порог какую-то нечисть, и она заболела. Дурно было и детям, а, вернувшись из Рима, заболели и Луиджи с Гвидо».

— Я так понял, их всех зарезали?

— Судя по всему, их сначала или отравили,

или усыпили. Не так-то просто справиться с двумя здоровыми мужчинами.

— Всё равно — банальная уголовщина. Семья была состоятельна? Из Рима привезли товар?

— Угу.

— Это дело магистрата.

— На основании имеющихся у них данных, они говорят, что это-де — наше дело. Правда, нам его ещё не передали. Наш светский судья, мессир Энаро Чинери, страдает подагрой, и когда у него приступ, он то приговаривает к повешению за кражу горшка со сметаной, то арестовывает старого импотента за изнасилование, то орёт, что мы в Трибунале — бездельники, и он делает нашу работу. Ему везде мерещится дьявольщина — и он норовит сбросить дело на нас. Сам Чинери почти полгода ловит бандита Микеле Минорино, но всё без толку.

— Ясно. Что ещё? По нашей части?

Леваро был лаконичен.

— Есть двое, поддавшихся Лютеровой ереси, несколько припадочных пророков, двое из которых в Трибунале сразу излечились от припадков и покаялись в шарлатанстве. Несколько одержимых дьяволом сидит в тюрьме Трибунала по доносам. Экзорциста у нас нет. Что с ними делать — непонятно. Приглашали одного монаха — без толку. Все остальные отговариваются

греховностью, да тем, что не обучены, мол, изгонять дьявола. Иные из этих бесноватых лезят по отвесным стенам и орут так, что палача нашего, *Viscanéve*^б, жуть берёт.

Вианданте прыснул со смеху. Прелестное имя для палача, ничего не скажешь.

Сам он с любопытством наблюдал за подвижным и умным лицом главного денунцианта. Большие глаза цвета дикого каштана отливали бронзой, нос с резкой горбинкой придавал лицу живое выражение, небольшие, но четко вырезанные чувственные губы, двигаясь, приводили в движение впадины на худых щеках. Лоб Леваро был высок, но прикрыт густыми тёмными кудрями. Сам он — стройной фигурой и подвижным лицом чуть походил на арлекина, театрального шута, но, как заметил инквизитор, весел совсем не был. В глазах фискала проскальзывали настороженность и тоска.

— Две, — продолжал между тем Леваро, — пользуясь отсутствием в городе инквизитора, бежали, сломав решетки на окнах. Одна из них — негодяйка, промышлявшая абортами, а вторая пыталась отравить соперницу, отбившую у неё дружка. И отравила, но дружок не вернулся, а донёс на неё в Трибунал. Обе сбежали из города. Ещё

^б Подснежник (ит.).

несколько бились в припадках, чуть не переломали себе руки, пришлось привязать, а одна грызла подоконник, пока не сломала все зубы. Поступило несколько доносов, но некому было вести судопроизводство. Об одном аресте следует рассказать особо, но это... после. При его высокопреосвященстве о таком говорить как-то негоже.

Леваро пристально посмотрел на Джеронимо.

— Я не ребенок, дети мои, — махнул рукой князь-епископ.

— Говорите, — распорядился инквизитор.

Леваро продолжил:

— Местное бабье... Ну здесь, понимаете, шесть лет назад была смута...

— Знаю, — кивнул Вианданте.

— Ну, так мужчин мало. На четырех женщин — один. Так бабье завело обычай... наученные местной ведьмой, Черной Клаудией, затеяли собирать по горам да болотам всякую мерзость — цикуту да дурман, белену да белладонну, мухоморы да ягоды волчьи, поганки да бересклет. Варят, смешивают это с сушеными жабами да нетопырями, так Клаудиа-де велела. Потом натираются...

— Ничего удивительного, — вмешался Клезио. — Ещё Андреа Софетта, врач Иннокентия VIII, говорит в четвертой главе своего Комментария

на Диоскорида по поводу лапчатки ползучей и корня одного вида соланума, драхма коего в отваре с вином действует удивительно. Он прибавляет, что в 1498 году, когда он лечил в Сан-Марино герцога Урбино, там арестовали, как колдунов, мужа с женой, живших в сельском доме в окрестностях Пезаро. У них нашли горшок с зеленой мазью. Софетта выяснил, что мазь составлена из разных экстрактов цикуты, соланума, белены, мандрагоры и других наркотических и усыпляющих растений. Он предписал употребление этой мази для жены палача, которая страдала бессонницей. Когда намазали этой мазью тело женщины, она проспала семьдесят шесть часов, и сон её длился бы дольше, если бы не решили её разбудить, употребляя очень сильные средства. Пробудившись, она горько жаловалась, что её вырвали из рук прекрасного мужчины с огромным-де детородным органом, который и сравнить нельзя было с тем, что имелось у мужа...

Вианданте скривился. Прокурор-фискал между тем, вежливо выслушав князя-епископа, продолжал повествование:

— Если бы и у нас чертовы потаскухи этим ограничились! Но на беду среди них была некая Джулия Белетта, её-то и замели по доносу. Мерзавка была повивальной бабкой, и пятеро повитых ею младенцев умерли через час после

родов. На последних родах её и поймали. Эта тварь зажала меж пальцев иглу и уже норовила воткнуть её в родничок младенцу. Зачем вытворять такое — уму непостижимо, но тут одну-то из этих мерзавок Гоццано и разговорил. Она призналась, что эту смесь из трав надо-де перетопить с жиром некрещёных младенцев. Тогда-де попользует тебя не какой-то там мужик, а сам дьявол. Вот она и промышляла. А тут мой Джанни, сынишка, вдруг говорит, что на кладбище, он прибирать на могилке матери ходил, несколько могил выкопано. Кинулись на кладбище — точно, пять детских могилок разрыто.

Он замолчал.

Джеронимо не был удивлён. Ни в войнах, ни в междоусобицах, ни в опасных предприятиях, ни в изнуряющих занятиях, ни в подрывающем силы труде женщины заняты не были. Они оказывались в избыточном количестве, но если раньше девицы имели представления о скромности и наполняли монастыри, теперь, в распутную и разнузданную эпоху, они жаждали блудных утех, впадали в опасную мечтательность, из которой путь к дьяволизму был весьма короток. Безумную одурь бабского распутства, неутомимую и неутоляемую, захлестнувшую в последние времена всю Империю, не остановила даже пандемия постыдной французской болезни — кара Господня за блуд.

Он слышал о подобном неоднократно. Мужчин не хватало, и похотливые сучки, изнывая от страсти, натирались чёртовыми снадобьями, рецепты которых шёпотом на кухнях передавались из уст в уста, а потом в распутном одурении творили вещи совершенно невообразимые. Такие могли запросто подняться по отвесной стене и преодолеть в два прыжка пропасть. Подумать только — цикута, белена, мухоморы! Да от такой смеси, верно, и взлететь недолго.

— Что было сделано по делу? — поинтересовался Вианданте у Леваро.

«Ничего. Погиб Гоццано, и следствие было приостановлено». — «Понятно», — кивнул инквизитор. В эту минуту разговор был прерван. Пожаловал мессир Джузеппе Вено, глава местного муниципалитета.

Вианданте внимательно взгляделся в зрелое, немного усталое лицо подеста, которое в былые годы могло быть красивым, но теперь набрякшие мешки под глазами выдавали то ли любовь к излишествам, то ли какую-то болезнь. Вено представился новому инквизитору и тут же любезно пригласил его и всех присутствующих на небольшой устраиваемый им в конце недели приём — там новоприбывший познакомится с цветом местного общества. Инквизитор любезно кивнул. «Непрременно». — «Судя по выговору, господин

Имперiali — гeнуэзец?» — «Да».

Клeзио вяло отказался от приглашения, сославшись на нездоровье, но заметил, что его милости виконту Имперiali ди Валенте, конечно, стоит познакомиться с местной аристократией. Ошеломлённо взглянув на Вианданте, глава муниципалитета оживлённо закивал. «О, мы будем весьма польщены». И торопливо откланялся. Джеронимо не понял, зачем князь-епископ столь явно подчеркнул его происхождение, но промолчал.

Темнело. Вианданте распрощался с Клeзио и в сопровождении Леваро направился в своё новое жилище. По дороге невзначай поинтересовался у прокурора, в их ли нынешнем доме жил Гоццано? «Да», кивнул тот. «А где умер?» — невинно спросил инквизитор. Леваро дважды взглянул на нового начальника, прежде чем ответить. «Его нашли у Софии, содержательницы местного борделя». «*Casa d'appuntamenti oppure casa di tolleranza? Casa chiusa?*»⁷ — уточнил Вианданте. Фискал кивнул. «Что он там делал?» — простодушно спросил Вианданте.

Леваро вновь пристально взглянул на Имперiali. Он уже начал понимать, что этот

⁷ Нелегальный дом свиданий или дом терпимости? Публичный дом? (ит.)

человек, которого он склонен был поначалу недооценивать, умён, как дьявол, и не доверял бы его простодушию, если бы не четко осознаваемое единство целей. «Молва говорила, — вздохнул Леваро, что ряса, видать, не умерщвляет похоть». — «А что по этому поводу думает сам прокурор-фискал?»

Леваро пожал плечами.

— Мессир Гоццано вообще-то не был склонен к нарушению монашеских обетов, но все мы люди... Однако, будь я на месте Гоццано, и возымей желание потешить грешную плоть... Под полом есть ход, выводящий к старой мельнице и дому лесничего, который пустует. И мессиру Гоццано путь этот был известен. Чего бы проще? Он не был, подобно вам, красавцем, но лицом людей не пугал. — Леваро вздохнул. — Будем откровенны. Прикажи он — ему не то, что девку, а и попримичней бы чего нашли. Да и, кроме того, немало особ, уверяю вас, по нему и вздыхали, связь с ним — это как *castello di pietra*⁸. Но всем им приходилось, по моим наблюдениям, *fare castelli in ària*.⁹ Не знаю, кстати, как вы с этим справитесь.

⁸ Игра слов: «замок из камня» и «обитель Петра», Ватикан; здесь — защита от любых преследований.

⁹ Строить воздушные замки (ит.).

Тут спрос на любого мужчину, а уж из-за такого, как вы, могут и просто смертоубийство устроить.

— Вы отвлеклись, Леваро.

— Да, простите, — смиренно кивнул денунциант. — И вот вдруг Гоццано, которого все знают в лицо, зачем-то идёт в блудилище. Непонятно.

— Не было ли следов насилия?

— Лицо его почернело, в ушной раковине была кровь, но на теле — никаких порезов.

— Он был... в рясе?

— Нет, обнажён. И, кстати, мы не смогли найти его крест, четки и нижнюю рубаху.

— Могли ли его просто принести туда после смерти?

Прокурор ответил уверенно, казалось, он и сам размышлял над этим.

— Да, но для этого нужны как минимум двое мужчин.

Вианданте задумчиво потер висок. «Я очень устал, — объяснил он Леваро, — долгий путь из Болоньи утомителен. Раньше полудня не проснусь. Но вы, синьор Леваро, видимо, чувствуете себя бодрее?». Денунциант в третий раз бросил внимательный взгляд на инквизитора и согласно кивнул. «Тогда хорошо бы нынешней же ночью

задержать упомянутую синьору Софию, а вместе с ней и всех до единой её девок. И — упаси Боже! — не дать им сговориться. Распихать по разным камерам. Допросить. Если Гоццано действительно заходил туда — то в чём именно? В котором часу? Что сказал — дословно, что сделал? Узнать даже — налево или направо от порога прошёл при входе? Какую метрессу выбрал? Почему именно её? Что при этом сказал? Если показания будут разниться... Гибель инквизитора возбуждает сильнейшее подозрение, что даёт нам право прибегнуть к следствию третьей степени. К моменту моего пробуждения мне бы хотелось получить от вас и первые данные по делу».

Леваро, ликуя, кивнул. *Grazie al cielo!* Слава небесам! Неужели Бог услышал вопль трентинцев? Любезно выразив друг другу радость от знакомства и надежду на плодотворное сотрудничество, они расстались.

В отсутствие друга Аллоро перезнакомился с прислугой, распаковал вещи, распорядился об ужине и выслушал от проходящей кухарки тьму местных сплетен. Забавно, но в отношении смерти господина Гоццано старая синьора Тереза Бонакольди придерживалась той же благой осторожности в суждениях, что и прокурор-фискал. «Где это видано, чтобы, располагая возможностями, предоставляемыми ему должностью и будучи

человеком праведным и целомудренным, он вдруг направился бы туда, где никакому приличному человеку не место?» Тут её слова прервались, и в кухне воцарилась странная тишина. Нет, ничего не произошло. Просто его милость господин инквизитор Священного Трибунала изволил, сполоснув руки, снять плащ с чёрным капюшоном и присесть к столу. Когда дар речи вернулся к синьоре Терезе, она смогла, объясняясь всё же больше жестами, нежели словами, выразить мысль, что, прожив на этом свете уже шестьдесят семь лет и повидав всякое, она никогда, однако, не встречала подобной неземной красоты, какой Господь одарил господина Империали. Джеронимо вежливо улыбнулся и, извиняясь, сказал, что, пообедав у князя-епископа Клезио, ещё не успел проголодаться, но с удовольствием примет ванну. Старуха бросилась из кухни и захлопотала где-то в соседнем помещении.

Джеронимо осмотрел своё новое жилище. Гостиная была обставлена скупой: сундук-кассоне для хранения вещей, посудный шкаф-поставец с четырьмя дверцами, прямоугольный стол с толстой столешницей на двух, по-флорентински массивных устоях, несколько простых кресел с подлокотниками и сиденьями, обтянутыми кожей и украшенными бахромой, да по углам — две старые кушетки, по деревянным ручкам которых шла

вычурная резьба.

Откуда-то из тёмного коридора важно и спокойно вышел большой чёрный кот с острыми ушами и гордо поднятым хвостом, на котором, несмотря на чёрный цвет, угадывались поперечные полосы. Он внимательно посмотрел на новых хозяев, обойдя стол почти по безупречной окружности. Гильельмо обожал кошек, одну постоянно подкармливал в монастырской трапезной, разрешал ей спать в своей келье. Джеронимо посмеивался над ним, называя кошек «детьми сатаны», но иногда в самоуглубленных размышлениях мог, сам того не замечая, часами гладить полосатую кошачью спинку.

Трентинский кот носил звучное имя Scolastico d'inchioistro, Чернильного Схоластика, и принадлежал раньше Гоццано. Ещё год назад он прославился тем, что, будучи несмышлёным котёнком, опрокинул чернильницу на еретический труд Сигера Брабантского, расцарапал имя еретика на титульном листе и основательно погрыз переплет. Когда же Гоццано начал вслух читать Фому Аквината, кот забрался на стол и внимательно слушал, восторженно жмурясь, помахивая хвостом и мурлыча. После такого доказательства своей богословской разборчивости и непримиримости к ереси, Схоластик, несмотря на подозрительный цвет, утвердился в

инквизиторском доме. А так как в вопросах питания не зависел ни от кого, в избытке вылавливая мышей по подвалам дома, то не обременял и синьору Терезу, с течением времени тоже привязавшуюся к нему.

Джеронимо внимательно оглядел кота. Не шибко-то он любил этих полуночных тварей, но, видя, как улыбается, глядя на кота, Аллоро, слыша, как замурлыкала, увидя его, синьора Тереза, он понял, что животное проживает здесь на законных основаниях — «первым по времени, первым и по праву», а значит, реши он удалить отсюда дьявольскую тварь, окажется в меньшинстве. К тому же, будучи уроженцем портового города, он лучше других знал простую истину: «лучше кошки, чем крысы». Стало быть, Бог с ним, с Чернильным Схоластиком.

Джеронимо только сейчас ощутил, насколько он, отвыкший в монастыре от седла, устал за время трехдневного путешествия. Чуть не заснул в ванне, но Гильельмо растолкал его и проводил в спальню. Глаза его слипались, всё тело ныло. Он очень умаялся. Тихо опустился на колени перед статуей Христа в нише спальни. «Господи, Боже мой! Ты — всё моё благо. Кто я — что дерзаю к Тебе словом своим? Я нищий из нищих раб Твой и червь ничтожный, презренный паче всякого помышления и всякого слова. Ничего нет у меня. Ты Един благ и

свят и праведен. Ты всё можешь, всё даруешь, всё исполняешь и только грешника оставляешь в скудости. Господи, исполни сердце моё благодатью Твоею. Как мне жить, если Ты меня не укрепишь милостью Своею? Не отвори лица Твоего от меня, не удали от меня посещение Твоё, и утешения Твоего не отыми от меня, да не будет душа моя, яко земля безводная Тебе. Научи мя, Господи, творить волю Твою. Научи мя достойно и в смирении ходить пред Тобою, ибо вся мудрость моя в Тебе...»

Засыпая в новом, непривычном для него месте с мрачными сводами, Вианданте не мог отделаться от мысли, что упустил что-то важное. Было нечто, что уже туманно намекнуло ему на причину смерти Гоццано, намекнуло, и тут же растаяло. Любопытно было и замечание, вскользь брошенное Леваро, о возможностях инквизитора. Он словно предлагал ему некие своднические услуги... И если это справедливо, то не снабжал ли он бабёнками Гоццано? В этом случае он должен знать больше, чем сказал. Что за дом лесничего? Или мерещится? А главное, что за человек был Гоццано? Что он написал Дориа?

Было и ещё одно — и Империасти знал это. За ним самим будут наблюдать и докладывать Дориа. Кто здесь «глаза Провинциала»? Не Леваро ли? Епископ рекомендовал его... Джеронимо

понравились умные глаза прокурора, но насторожили излишне мягкая, чуть шутовская манера речи, подчеркнутая готовность угодить, явное чуть испуганное раболепие. Одет Леваро был излишне кокетливо, пока они шли от дома князя-епископа, Имперiali, наблюдая из-под капюшона, несколько раз поймал взгляды девиц на прокурора, несколько раз и Леваро оборачивался вслед женщинам. У прокурора красивые стройные ноги и белозубая улыбка — Леваро явно нравился женщинам. Но было в этом умном и грустном шуте что-то туманное... Не он ли — соглядатай?

Новый инквизитор, как любая новая метла, мог мести по-новому и сменить весь состав старших чиновников. А мог и утвердить... Не этого ли боится Леваро? Он был назначен год назад... Ладно, довлеет дневи злоба его. И, пробормотав ещё одну короткую монашескую молитву, Джеронимо провалился в глубокий сон.

Утром спальня показалась Джеронимо совсем не такой мрачной, как представилось ему вечером при свечах. Солнечные лучи, ложась на потемневшие от времени дубовые панели, покрывали их странной, чуть зеленоватой позолотой, играли зайчиками на изгибах покрывала, торжественно облекали светом тяжелый занавес у полога кровати. Полусонно пробормотав монастырскую максиму «otium — pulvinar

Diaboli»¹⁰, Вианданте поднялся, поправил рясу. Тихо постучав, вошла синьора Тереза и, пожелав мессире Джеронимо доброго утра, сообщила, что только что пожаловал прокурор-фискал. Инквизитор быстро спустился в залу.

— Аресты произведены, все подозреваемые задержаны, как и приказано, — доложил Леваро. — Показания сильно разнятся. Судя по полученным свидетельствам, Гоццано пришёл вечером — около семи, после повечерия, около полуночи, и на Бдении. Одет был в чёрный плащ с капюшоном, или в серую рясу, или во что-то тёмно-зеленое. На руке его были четки, но кое-кто уверен, что на запястье ничего не было. Он предпочёл уединиться с девицей Лучией Челли, здесь все показания сходятся, но это они говорили и сразу после того, как его обнаружили. Я позволил себе, памятуя ваши слова о следствии третьей степени... — Вианданте внимательно слушал, — немного припугнуть дурочку. По моему приказанию её привязали на дыбу. Я сказал, что её хозяйка уже во всем призналась и, если она будет упорствовать...

Инквизитор выразил надежду, что прибегать к крайнему средству всё же не пришлось. Леваро утвердил его в высказанной надежде. «Разумеется,

¹⁰ Праздность — дьявольское ложе (лат.).

дурочка завизжала, как поросёнок и, будучи снята с дыбы, рассказала, что вообще не видела Гоццано... живым. София позвала её уже к трупу, откуда-то взявшемуся в её комнате, и велела ей сказать, что он приходил к ней, Лучии, но во время-де сношения почувствовал себя дурно, схватился за сердце и умер. Это она и повторила светскому судье во время расследования».

— Вы, я вижу, Леваро, чрезмерно исполнительны, — задумчиво обронил Джеронимо. — Но ваше усердие делает вам честь. Софию уже допросили?

— Нет. Я решил ждать ваших распоряжений. Эта бабёнка — иного теста. Мы ничего не добьёмся ни угрозой, ни пыткой. Прожженная бестия, клейма ставить негде.

— Не добьёмся, говорите? — инквизитор задумался, потом лучезарно улыбнулся. — Ну, так и не надо добиваться. Не будем зря усердствовать там, где это излишне. Отпустим.

Леваро уже постиг некоторые особенности мышления и нрава нового инквизитора. И потому молча ждал.

— Сегодня же и отпустим. Но прежде надо послать людей в лупанар.

— Обыск?

Джеронимо покачал головой.

— Что мы там найдем? Зачем нам грязные

простыни? Но необходимо не упустить ни единого слова, жеста и передвижения содержательницы блудного дома после того, как она выйдет от нас. Сколько у нас людей? Дюжина? Этого хватит с избытком. Если кто-нибудь из них сумеет застать её на встрече с любым мужчиной или мужчинами, если удастся подслушать её разговоры или перехватить записку — пообещайте награду. Что представляет собой веселый дом? Можно ли с крыши попасть внутрь, можно ли просверлить отверстие в стене или в потолке? Как говорил великий Фома Аквинат, «то, что не хочешь иметь завтра — отбрасывай уже сегодня, но уже ныне приобретай то, что завтра может понадобиться».

Леваро напрягся.

— Когда мы её выпустим? Нужно уложиться до вечера?

— Не путайте причину и следствие, дорогой мой, — задумчиво заметил инквизитор. — Никакой спешки. Как только уложимся, так и выпустим. Только не наследите там. Мы отвечаем пред Господом за грехи наши и их последствия, но нелепо прибавлять к нашим грехам ещё и наши глупости. Одно дело — отследить передвижения подозреваемого и выследить глубину его умысла, и совсем другое — наследить на полу грязными сапогами. Помните об этом. Вместе с Софией отпустите и остальных метресс. Всех, кроме Лучии.

— Она нужна мессире Имперали? — удивленно поинтересовался прокурор.

— Боже упаси, Леваро. Зачем монаху шлюха? Но это единственное, что всерьёз беспокоит Софию. Да! Не худо бы уже сегодня до темноты распространить по городу слух, что мною решено завтра же подвергнуть Лучию пытке.

Элиа спокойно кивнул. Это можно. Не допустить слухов — дело титанической сложности, распространить их — пара пустяков. Инквизитор же методично продолжил:

— Будем логичны. Едва ли эта София, не будучи безумной, предоставила бы свои комнаты для трупа, не будь на то особой причины. А какова может быть причина? Опозорить убитого и тем остановить проводимое им следствие. Значит, либо она сама замарана в процессе вместе с Белеттой, либо выполнила приказ кого-то, кому не могла не подчиниться. Я склоняюсь ко второму предположению. В её склонность к дьявольским снадобьям верится с трудом — в отличие от других баб, ей в потемках блудного дома мужского внимания должно хватать с избытком. Значит, ей приказали. Кто? Его-то мы и должны обнаружить. Если же такого не будет... — Инквизитор задумался. — Сколько ей лет?

Впервые Леваро не смог ответить на его вопрос. Пожал плечами и на его подвижном лице

проступило брезгливое пренебрежение. Собственно, он просто поджал губы и заморгал, но этого хватило. Инквизитора начала забавлять игра этого живого лица.

— Между тридцатью и шестьюдесятью. Точнее не скажешь. Кто их разберёт, этих уличных-то?

— Неважно. Но до моей проповеди в воскресение я хочу знать, как погиб Гоццано. Кое-что уже понятно. Мы имеем дело с людьми без чести. Но это не помогает нам в розысках. Ныне куда не ступи — на подлеца и наступишь. В общем, прикинемся в этом мраке свечами. Глядишь, нетопыри и налетят...

«А почему, по мнению его милости, это сделал человек без чести?» Леваро недоумевал. «Потому что его, умерщвлённого или умершего — опозорили. Это уже подлость запредельная, Леваро. Однако, время посетить Трибунал».

Вианданте вытащил из шкафа черный дублет и мантию, снял старую рясу и Леваро, исподлобья оглядывая начальника, как и несколько недель назад кардинал Сеттильяно, невольно восхитился его сложением, мощными плечами и геракловым торсом. «Вот тебе и херувимчик — да он троих сметёт и не заметит». Вспомнив, что они с Аллоро ещё не завтракали, Джеронимо предложил Леваро разделить с ним трапезу, а час спустя они втроем

вышли из дома.

Здание Священного Трибунала располагалось с другой стороны центральной площади, и через его боковые окна была видна резиденция князя-епископа. Вианданте, прикрыв лицо капюшоном, быстро обошёл здание, залу заседаний, камеры для задержанных и камеру пыток, службы и архив. Комната канонистов была небольшая, но хорошо освещённая, и понравилась Гильельмо. Леваро ушёл отдать необходимые распоряжения своим людям, Вианданте отложил знакомство с подчинёнными до лучших времен, точнее, до воскресной проповеди в церкви, где князю-епископу надлежало представить его горожанам, сам же погрузился в материалы допросов денунциантов и свидетелей по делу о гибели Гоццано.

Иногда Вианданте давал себе короткий отдых, болтая с писцами. Польщённые вниманием нового начальника, они захлеб, опережая друг друга, отвечали на его рассеянные вопросы, с похвалой отзывались о главном денунцианте и покойном Гоццано, правда, при этом ни один из них не смотрел ему в глаза. У прокурора было обычное прозвище **Veronése**, Веронец, некоторые называли его **Nottalone**¹¹. Инквизитор не стал уточнять

¹¹ Полуночник, лунатик, гуляющий по ночам (ит.).